

Жеребин Алексей Иосифович

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
kafedrazar-lit@yandex.ru

Компаративные этюды Юрия Тынянова в свете теории перевода

Для цитирования: Жеребин А. И. Компаративные этюды Юрия Тынянова в свете теории перевода. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (2): 262–276. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.202>

На фоне новейших тенденций в области теории перевода в статье предпринимается попытка разграничения терминов «переводоведение» и «транслатология». Материалом анализа служат ряд исследований русских и иностранных авторов, в которых художественный перевод и переводная литература рассматриваются как факт культурного трансфера и предмет сравнительного литературоведения. Варианты транслатологического подхода иллюстрируются примером из монографии Д. Стайнера «После Вавилона. Аспекты языка и перевода» (1975) и работой Ю. М. Лотмана «“Езда в остров любви” Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в.» (1985). Центральная часть статьи посвящена компаративным этюдам Ю. Тынянова начала 1920-х гг. Этюд «Тютчев и Гейне» (1922) — классический образец отечественной компаративистики — подтверждает тезис о том, что разграничение и дифференцированное использование терминов «переводоведение» и «транслатология» позволяют точнее описать смысловую структуру как научных текстов, так и тех художественных произведений, которым они посвящены. Тынянов исследует переводы Тютчева из Гейне с точки зрения жанровой поэтики, но их полемический социальный подтекст его внимания не привлекает. Иначе в методологическом плане написан этюд «Блок и Гейне» (1921). Здесь обе аналитические стратегии присутствуют на равных правах, переводоведение и транслатология друг друга дополняют, образуя синтез; типологическое сравнение включает в себя как наблюдения над переводческой стратегией Блока, подкрепленные эстетическим анализом произведений того и другого поэта, так и постановку вопроса о социальной функции искусства и роли художника в формировании модернистского метанарратива об эмансипации личности.

Ключевые слова: генезис, дискурс, жанр, переводоведение, поэтика.

Переводоведение или транслатология? Критерии разграничения

В статье «Как развивалась в нашей стране теория перевода» А. В. Федоров замечает, что термин «переводоведение» имеет синоним «традуктология» — «заимствованное новообразование из иноязычных корней, вряд ли изящное» [Федоров 1983: 157]. «Транслатология» ничем не лучше, и в русскоязычных научных текстах этот термин встречается лишь в редких случаях. Но — вопреки «Толковому переводоведческому словарю» [Нелюбин 2003: 227] — мы полагаем, что это все же не

синоним «переводоведения», точнее синоним неполный и избыточный, допускающий употребление в специальном, дифференцированном смысле.

В прошлом терминология вызывала горячие споры — как правильно употреблять, а как неправильно, где берега реализма, где берега романтизма. Эти споры остались в прошлом. Если, например, А. А. Смирнов вслед за Георгом Лукачем называл Шекспира реалистом [Смирнов 1936: 105–144], то в системе его мышления это было правильным, поскольку было оправдано логикой этой системы. А в другой системе мышления и в другой исторический период правильным оказывалось совсем другое понимание того же термина. Значение термина диктуется его употреблением, и позднейший слой палимпсеста не отменяет ценности ни одного из предшествующих. А. В. Михайлов писал в этом смысле о «терминах движения» [Михайлов 1997: 43–111].

Термины, как известно, историчны, и не только потому, что меняется их значение, но и потому, что каждое новое понятие, если оно появляется, смещает смысловую акцент. Это хорошо видно на примере книги Д. Бахманн-Медик «Cultural turns. Новые ориентиры в науках о культуре», которая на немецком языке вышла в 2006 г., а на русском — в 2017 г. [Bachmann-Medick 2010; Бахманн-Медик 2017]. Когда Бахманн-Медик рассуждает о «Translational Turn», то речь идет в первую очередь о культурологическом расширении понятия «перевод». Перевод начинает рассматриваться как универсальная форма освоения чужого культурного опыта, поскольку представляет собой условие как личного общения, так и исторического взаимодействия культур. Соответственно и теория перевода получает статус «современной эпистемы» гуманитарного знания вообще, характеризуется как пространство интеграции дисциплин, имеющих своим предметом различные формы культурного творчества, среди которых Бахманн-Медик называет наряду с филологией и этнографией, и антропологию, и психологию, и социологию. В то же время между переводоведением и транслатологией может быть проведена и внутренняя граница — в рамках самой филологической науки, особенно в рамках компаративистики, изучающей транснациональные процессы в литературе.

Соотношение между понятиями «переводоведение» и «транслатология» приблизительно такое же, как между понятиями «текст» и «дискурс», т. е. в одном случае нас интересует первичная знаковая структура, а в другом — ее вторичный коннотативный смысл, реализующий идеологическую интенцию субъекта высказывания, характеризующий ту психологическую и социальную позицию, которую занимают в акте коммуникации его участники — переводчик и реципиенты, те, кому он адресуется. В центре внимания транслатологии — не способы создания эквивалентного текста, а изучение коммуникативного поведения и социального контекста, его обуславливающего. Иными словами, если преимущественным предметом переводоведения является поэтика перевода и его эстетические критерии, то преимущественный предмет транслатологии — это, с одной стороны, психология творчества, психология переводческого труда, с другой — изменение социальной, социокультурной функции переводной литературы по сравнению с оригинальной.

Пример психологического подхода дала в свое время книга Дж. Стайнера «После Вавилона. Аспекты языка и перевода», где подробно описан «герменевтический маршрут» переводчика, включающий несколько фаз психологического освоения подлинника и тот болезненный кризис сознания, который переводчик при этом

переживает [Steiner 2004: 311–390]. Отмечу лишь два момента. Во-первых, Стайнер оптимистически полагает, что полный рабочий цикл переводческого процесса имеет своим результатом диалогическое отношение взаимности (Reziprozität), означающее и новое более высокое качество оригинала, и новое, также более совершенное, качество культуры, на язык которой он был переведен. Это согласуется с романтической философией «мифологического перевода» у Новалиса, которая была в 1920-е гг. актуализирована, с одной стороны, Вячеславом Ивановым [Эткинд 1990: 157–164], с другой — В. Бенямином в модном и сегодня этюде «Задача переводчика» (1921). Во-вторых, принципиальное сходство между индивидуальным маршрутом переводчика по Стайнеру и механизмом межкультурного диалога, работу которого описал Ю. М. Лотман в статье «Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении» (1989), — с той разницей, что у Лотмана в роли «переводчика» выступает воспринимающая культура в целом, коллективная семиотическая личность и ее коллективная психология [Жеребин 2014: 23–29].

Лотману принадлежит и один из убедительных опытов транслатологического подхода в аспекте социологии — статья «“Езда в остров любви” Третьяковского и функции переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века» (1985). Она была опубликована в сборнике научных статей в честь 80-летия Д. С. Лихачева и задумана как пример того процесса, который Лихачев называет «литературной трансплантацией» [Лихачев 1973: 15–23; Лотман 1985: 222–229]. Материалом служит перевод романа Поля Тиллемана «Le voyage à l'île d'amour» (1663), сделанный Василием Третьяковским почти через 70 лет после написания оригинала — в 1730 г. Но Лотман ни слова не говорит о технике перевода, его не интересует ни прециозная лексика с ее эмоциональной аурой, ни вопросы синтаксиса, ни вопросы стиля. Тема статьи — экспансия переводного текста в сферу нелитературную, отношение между текстом и его социальным контекстом и воздействие текста на социальную практику. В центре внимания Лотмана не искусство Третьяковского-переводчика, а его идеологическая интенция — его попытка пересадить этику парижского салона, описанного в романе Тиллемана, на русскую почву, превратить французскую утопию внесловной аристократии духа в инструкцию по демократизации русской культуры. Тем самым статья Лотмана должна быть отнесена не к области переводоведения, а к области транслатологии с ее интересом к обменным операциям между литературой и жизнью, литературой и бытом.

О том, что литература не только отражает актуальные политические дискурсы, но и сама может их формировать, что общественная идеология одной страны может рассматриваться как проекция вымышленных текстов, созданных в другой стране и в другую эпоху, свидетельствует, например, история восприятия творчества Франца Кафки в России: как уже не раз писали, переводы его произведений вошли в сознание русской интеллигенции как пророчество о неизбежной гибели сакральной культуры, они способствовали осмыслению нами кризиса коммунистической империи даже в большей степени, чем антиутопии Олдоса Хаксли или Джорджа Оруэлла [Жеребин 2012: 437–447].

В русской науке модель взаимообращения литературы и «быта» связана с именем Юрия Тынянова. Но его статья «Тютчев и Гейне» представляет собой пример, противоположный тому, что было сказано выше о статье Лотмана. Перед нами

классический пример компаративистики, реализующей установку не транслатологии, а переводоведения.

«Тютчев и Гейне»

Статья Тынянова, опубликованная в журнале «Книга и революция» за 1922 г., представляет собой, как известно, извлечение из незаконченной монографии, в которой Тынянов предполагал дать «анализ взаимоотношения Тютчева и Гейне как поэтов и политических мыслителей» [Тынянов 1977: 369]. Но социально-политический контекст едва намечен: даже характеристика Наполеона, подсказанная Тютчевым молодому Гейне, представляет для Тынянова интерес лишь постольку, поскольку демонстрирует невосприимчивость Гейне к архаическому стилю Тютчева [Тынянов 1977: 32].

Переходя к переводам Тютчева, Тынянов подробно останавливается на метрических и ритмических отступлениях от оригинала, на особенностях поэтической лексики и синтаксиса, свидетельствующих о переключении оригинального текста в другую систему стиля. Задача Тынянова в том, чтобы подчеркнуть роль национальной поэтической традиции, ее власть над Тютчевым-переводчиком; она сильнее, чем генезис, и при переводе неизбежно подчиняет себе влияние иностранного оригинала. Вот несколько цитат из его статьи: «Отличительным качеством стихотворений Гейне, — пишет Тынянов, — является разговорная краткость периодов и простота лексики; у Тютчева — пафос, риторическое развитие периодов и архаическая лексика» [Тынянов 1977: 35]. Далее, на следующей странице, читаем: «Так, чужое высказывание (т. е. поэтика Гейне. — А. Ж.) являлось для Тютчева предлогом, поводом к созданию произведений, традиция которых на русской почве восходила к XVIII веку» [Тынянов 1977: 37]. И, наконец, заключительное замечание: «Тютчев — романтик... Это положение должно быть пересмотрено. Подобно тому, как во Франции романтик Гюго возобновил традицию Ронсара, Тютчев, генетически восходя к немецкому романтизму, стилизует старые державинские формы и дает им новую жизнь — на фоне Пушкина» [Тынянов 1977: 37].

Завершенность и совершенство тыняновской статьи не отменяют попытку разомкнуть его анализ в направлении транслатологии, дополнить его социологическим прочтением.

Прежде всего следует подчеркнуть, что одический стиль не обязательно противоречит романтизму, а Гейне — не вполне романтик. Тынянов и то и другое превосходно знал. В его незаконченной монографии читаем: «Невидимая церковь романтизма с темными музыкальными откровениями Тика, с глубокой и замкнутой, одической и церковной по форме поэзией Новалиса стала церковью видимой в поэзии Гейне» [Тынянов 1977: 371]. Сказано очень определенно: о Новалисе — что он связан с одической традицией, о Гейне — что он развенчал тайну романтизма. О роли Гейне в истории романтизма особенно выразительно Тынянов писал в статье 1921 г. «Блок и Гейне», где он характеризуется — на этот раз в противовес не Тютчеву, а Блоку — как виртуозный «канонизатор» и разрушитель идеалистической традиции, иронически стилизующий ее традиционные формы и смыслы — без «веры к вымыслам чудесным»¹.

¹ Тютчев Ф. И. А. Н. *Муравьеву*. Цит. по: [Тютчев 1913: 12].

Отсюда следует вывод, которого Тынянов не формулирует, хотя его статья этот вывод, кажется, предполагает: когда Тютчев перекодирует поэзию Гейне по державинскому коду, это больше, чем коренное расхождение. Переводы Тютчева — это полемика с оригиналом, причем полемизирует Тютчев именно с позиции романтизма, а еще точнее — от имени всей «классико-романтической» эпохи Гёте, которую Гейне хоронит под названием «период искусства», «Kunstperiode».

На рубеже 1830-х гг., когда Гейне тесно общается с Тютчевым в Мюнхене, он все яснее осознает себя как могильщик этой пережившей себя эпохи, как поэт грядущей революции, теоретик социального, социально ангажированного искусства и первое лицо «Молодой Германии». Но «Молодая Германия» Гейне не сводится к либерально-демократической доктрине, его творческая страсть — это разрушение. В этом его отличие и от современников-младогерманцев, и от того «Гейне русских либералов, “Гейне из Тамбова”»², каковым изображает его в своих позднейших переводах Петр Вейнберг (Гейне в России. С. 121). Культура немецкого идеализма, включая и романтизм, служит для Гейне предметом нигилистической литературной игры, материалом для самоинсценировки своего личного «я», разорванного и утратившего веру в сверхличные ценности.

Тютчев, гениальный переводчик Гейне, хорошо знает, что их разделяет, и в своих переводах сознательно противопоставляет молодой Германии Германию старую — с ее пантеизмом и мистическим чувством присутствия бесконечного в конечном, с ее святой верой в разумную действительность и автономное искусство, которое спасительно именно потому, что автономно, не зависит от эмпирической действительности и коренится в стихии вечного мифа. Жанровая семантика оды принципиально аффирмативна. Ода питается пафосом легитимности: личное «я» обретает свое достоинство, приобщаясь к сверхличной, надвременной тайне, которую несет в себе власть божественная и производная от нее земная [Тюпа 2013: 123–128]. Ода и революция — сочетание слов оксюморонное, подтверждением этому служит, в частности, «Ода революции» Маяковского [Лахманн 2011: 183–184]. Перевести Гейне на язык оды значило не что иное, как поставить под вопрос и его поэтику, и его мировоззрение.

В конце своей статьи Тынянов от переводов переходит к стихотворению «Не то, что мните вы, природа...», чтобы на этом примере еще раз подчеркнуть главное: стихи Тютчева — не манифест романтизма, а новый этап «витийственной “догматической” лирики XVIII века» [Тынянов 1977: 58], «оды-инвективы», как писал потом Л. В. Пумпянский [Пумпянский 1928: 25]. О Гейне Тынянов в последнем, заключительном разделе своей статьи больше не упоминает. Между тем есть основания предполагать, что Тютчев и в этом случае полемизировал с Гейне.

В «Романтической школе» Гейне вспоминает об ожесточенной борьбе с Гёте и его «эстетической империей», которую вела в 1820-е гг. «Молодая Германия». Гёте обвиняли в общественном индифферентизме, безразличии к жгучим вопросам современности, к страданиям народа и судьбам Отечества. В тридцатые годы эта полемика перекинулась, как известно, в Россию, где в особенности Белинский, следуя за немцами, противопоставляет безнравственному олимпийцу Гёте гражданственного Шиллера, «благородного адвоката человечества» [Белинский 1956: 7].

² Блок А. А. *Гейне в России*. Цит. по: [Блок 1960–1963, т. 6: 116–128] (далее — *Гейне в России*).

Вспоминая о том, как развивалась эта ситуация в Германии, Гейне сравнивает Гёте с Пигмалионом — намек на миф о Пигмалионе содержит и стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа...», одним из претекстов которого исследователи считают «Идеалы» (1795) Шиллера [Rothe 1978: 72]. Но у Шиллера идеал любящей, словно Пигмалионом одухотворенной природы — иллюзия юности, у пантеиста Гёте, как считает Гейне³, эта иллюзия пожизненная. Согласно Гейне, произведения Гёте напоминают античные статуи, холодные и прекрасные, а он сам — влюбленный в них Пигмалион, но такой, которому не дано было вдохнуть в них нашу горячую, бурную, современную жизнь, научить их страдать и ликовать вместе с нами (Романтическая школа. С. 178).

Тютчев отвечает на это одой-панегириком «На смерть Гёте», зеркально отражающей шеллингианскую программу и образность более ранней оды-инвективы «Не то, что мните вы, природа...» [Шайтанов 2019: 61]. Если Гейне над Гёте иронизирует, упрекая его в олимпийской отрешенности от реальной жизни и примирении с действительностью, то Тютчев воспекает его как поэта истинной реальности, душа которого была созвучна с душой мира. В результате Гейне перемещается в лагерь тех, которые «не видят и не слышат».

Тот и другой тексты и в этом случае коннотируют конкретное общественно-политическое содержание, обнаруживают следы противоположных социальных дискурсов. Тютчевский дискурс опирается на господствующую власть, божественную и человеческую, дискурс Гейне эту власть оспаривает, ниспровергает. В философскую и эстетическую полемику вписана тема борьбы между империей и революцией, но вписана неявно, тайнописью, между строк. Транслатологическая перспектива, т. е. установка на разграничение оригинального и переводного текстов по их социальной функции, в этой статье Тынянова лишь намечена.

«Блок и Гейне»

Более очевидный синтез двух аспектов компаративного исследования — переводоведения и транслатологии — был реализован Тыняновым в статье или, точнее, этюде «Блок и Гейне» (1921). Он был опубликован в сборнике «Об Александре Блоке» в год смерти поэта, а затем перепечатан в книге Тынянова «Архаисты и новаторы» (1929), но без большого раздела V, посвященного Гейне и отношению к нему Блока, и без заключительного раздела VI, содержащего вывод из сопоставления их поэтики: «Блок и Гейне стоят на разных полюсах поэзии» [Тынянов 1921: 263]. Полностью в своем первоначальном виде эта статья никогда не переиздавалась.

В предисловии к «Архаистам и новаторам» (1928) Тынянов от предпринятого им в 1921 г. сопоставления отрекается, называя его «искусственной параллелью»: «Одна статья (из включенных в сборник «Архаисты и новаторы». — А. Ж.) представляла собой искусственную параллель между одним новейшим русским поэтом и одним иностранным старым; второй член параллели я отбросил» [Тынянов 1977: 396]. Между тем самокритика Тынянова едва ли справедлива [Ронен 2002: 229–232]. Как известно, немецкий романтизм получил в литературном сознании 1910-х гг. специфический статус возрождаемой ценности; его стали воспринимать как забы-

³ Гейне Г. *Романтическая школа*. Цит. по: [Гейне 1958: 143–280] (далее — *Романтическая школа*).

тый источник, из которого черпала вся русская духовная культура XIX в., в особенности символисты, продолжавшие разрабатывать романтическое наследие в том числе в форме полемики и попыток разрыва (ср. [Эйхенбаум 1987: 292–298]). Начиная с эссе 1908 г. «Ирония»⁴, Блок постоянно размышлял над поэзией Гейне и его русской рецепцией [Книпович 1987: 41–51], в 1919–1920-х гг. переводил его стихи и редактировал переводы его прозы [Ланда 1964: 292–328; Федоров 1983: 239–250], и не кто иной, как сам же Тынянов, впервые со всей отчетливостью сформулировал признаки типологического сходства между двумя поэтами.

Отмечая мастерство Блока-переводчика, который «развил и утончил русскую гейневскую традицию» [Тынянов 1921: 250–251], Тынянов далее пишет:

И может на миг показаться, что аналогия между ними законна, что есть какое-то родство между обоими: и тот, и другой жили во время революций и она дала им темы; Блок — поэт русского символизма, подведший итоги течения, Гейне закончил собою период немецкого романтизма; и тот, и другой внесли в свое искусство элемент личности; оба культивировали элементарные мелодические формы поэзии (Гейне — народную песню, Блок — романс)⁵ [Тынянов 1921: 252].

Почему эта параллель «искусственна», почему все это лишь «может показаться» — неясно. Ведь противопоставление, сформулированное Тыняновым, этим ничуть не отменяется. Напротив, отмеченные им черты сходства служат выразительным контрастным фоном, на котором вывод о «несходстве сходного» звучит парадоксально, но от этого не менее убедительно.

В первой смысловой части статьи (разделы I–IV) Тынянов детально анализирует тематику и образный строй поэзии Блока и приходит к выводу, что искусство Блока есть «прежде всего структура эмоциональная», поскольку тема и образ важны ему как факторы эмоционального воздействия [Тынянов 1921: 244]. Для Блока, отмечает Тынянов, характерно «завершение на самой высокой точке эмоционального напряжения» [Тынянов 1921: 249]. У Гейне же — героя второй смысловой части (раздел V) — Тынянов усматривает господство самодовлеющего словесного искусства, намеренную «хиастическую игру» взаимоисключающими образами, орнаментальными, «построенными по принципу словесной вязи» [Тынянов 1921: 253]. Это «коренное расхождение» [Тынянов 1921: 252] Тынянов подтверждает наблюдениями над редакторской работой Блока и над его переводом цикла «Возвращение на родину», который Блок и выбирает, согласно Тынянову, именно потому, что стихи этого цикла «небогаты конечными points» [Тынянов 1921: 260], т. е. в них нет характерной для Гейне и принципиально чуждой Блоку техники иронического срыва, разрушающего возвышенную эмоцию и свидетельствующего о неверии в идеальное чувство.

По мысли Тынянова, отличие Гейне от Блока состоит в том, что он не строит свое искусство на темах с их эмоциональными ореолами, а, «играя темами, их разрушает» [Тынянов 1921: 257]. Средствами разрушения являются стилистический диссонанс и комически передержанная эмоция. Не только любовь, но и религия и актуальная политика служат у Гейне лишь безразличным материалом для демонстрации безграничной свободы художника, сознательно смешивающего границы

⁴ Блок А. А. *Ирония*. Цит. по: [Блок 1960–1963, т. 5: 345–349].

⁵ Цитируется в современной пунктуации (ред.).

между альтернативными идеологемами, играющего противоречием между патетической ролью «барабанщика революции» и скептической позицией дезангажированного эстета. Цитируя ряд высказываний немецких современников и исследователей, упрекавших Гейне в религиозной и общественной беспринципности, Тынянов именно эту идеологическую «беспринципность» считает условием «высшего воплощения» темы свободы в его поэзии. Для Тынянова революционный поэт Гейне — поэт «революции духа», цель которой не реализация демократической доктрины в социальной действительности, а «самосознание свободы в искусстве». Когда Блок протестует против гейневской игры с гражданской темой и трагической эмоцией, он, по Тынянову, не приемлет «литературность» его революции [Тынянов 1921: 260].

Тем самым эстетический анализ поэзии Гейне и поэтических переводов Блока плавно, без демаркации границы, трансформируется у Тынянова в вопрос о социальной функции искусства, о том, как по-разному решают его Блок и Гейне. Их собственные поэтические и эстетические высказывания начинают рассматриваться как элементы дискурсов, обозначающих социальные позиции говорящих.

Эмоциональность поэзии Блока интерпретируется Тыняновым как попытка заново спаять искусство с жизнью на фоне их распавшегося магического единства, деонтологизации искусства у поздних романтиков и декадентов. Если у Гейне жизнь лишь служит поэзии материалом, который подлежит преодолению художественной формой, то у Блока «искусство стремится за жизнью» [Тынянов 1921: 261]. В отличие от Гейне, отрекшегося от теургической легенды о поэте-мессии [Жирмунский 1914а: 90–116], Блок — ученик Владимира Соловьева, воспринявший идею преемственной связи между йенским романтизмом и современной мистикой [Жирмунский 1914б], — видит задачу художника в том, чтобы творить новую реальность «не в одном только воображении, а и в самом деле..., чтобы одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [Соловьев 1990: 404]. Слово должно стать плотью, а искусство — властью. Невыполнимость этой задачи Блок мучительно переживает как трагедию дезинтеграции культуры и грех литературности, во искупление которого он стремится к публицистике, к прямому участию в жизненной практике. Не формулируя этого тезиса прямо, Тынянов не случайно отмечает «тайное родство» между Блоком и Гоголем — автором «Выбранных мест из переписки с друзьями» [Тынянов 1921: 238], на которого Блок сам ссылается в статьях «Народ и интеллигенция», «Дитя Гоголя».

С обостренным сознанием разрыва между народом и интеллигенцией, между литературой и жизнью связан у Блока мотив дереализации реальности — один из интернациональных топосов самокритики декаданса. О кризисе стиха и кризисе языка, о том, что факты реального мира утрачивают реальность, становясь фактами литературы, и слово поэта вместо того, чтобы вызывать свой предмет к подлинной жизни, его отрицает и отменяет, в потенциале его уничтожает, рассуждали на рубеже веков Малларме и Метерлинк, Рильке и Гофмансталь [Зенкин 2018: 273–274]. Блок развертывает этот мотив в стихотворении «Художник»⁶, которое в статье Тынянова выступает как аргумент, доказывающий принципиальное отличие эстетических и общественных установок Блока от таковых Гейне.

⁶ Блок А. А. *Художник*. Цит. по: [Блок 1960–1963, т. 3: 145–146] (далее — *Художник*).

Когда позднее к этому стихотворению обращается в одной из глав своей книги «Культура и взрыв» Ю. М. Лотман [Лотман 1992: 35–43], его главное внимание привлекает образное воссоздание смыслового взрыва, происходящего в подсознании художника на пике эмоционального напряжения (строфы 4–5). Поэт чувствует, что находится «у предела зачатия новой души» — души мира, и кажется, еще мгновение — и смысл станет словом, слово станет плотью. Тынянову же интереснее следующая стадия творческого процесса — тот трагический момент, когда душу поэта «сражает, как громом, проклятие» — проклятие невыразимости обретенного, казалось бы, смысла, непередаваемости его на язык словесных образов. Победа художника над материалом оказывается иллюзией, зачатие новой души, открытие «неизведанных сил», таящихся в глубинах бытия, оборачивается убийством их высшей реальности:

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти (Художник. С. 145–146).

Образ «поэзия-птица» восходит к мифу о райской птице Сирин, символизирующей радость и спасение. Ее именем назывался, как известно, и альманах, в котором стихотворение Блока было опубликовано — первоначально под названием «Творчество» и с другим вариантом шестой строфы, кажется, еще более выразительным:

Да, я замкнул в мою клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую мир обновить,
Птицу, летевшую жизнь воскресить [Блок 1960–1963, т. 3: 551].

Интерпретируя эти стихи в этюде «Блок и Гейне», Тынянов пишет:

Искусство — вивисекция; оно дается взамен зарождений новой души, оно — убийство ее; не осуществление свободы в искусстве, а рабство птицы, поющей в тяжелой клетке. Искусство — клетка, стальная, тяжелая. Искусство — проклятие, убийство. Не понимая и не принимая свободы Гейне, Блок переводит язык поэзии на предметный язык жизни — ибо они связаны для него своей эмоциональностью. И он пытается стать подлинным публицистом, подлинным революционером [Тынянов 1921: 262].

В последней строфе «поэт-убийца» Блока замирает в ожидании новой встречи с истинной реальностью жизни — зная, что она никогда не состоится. Позднее и в другом, но соотносимом контексте о невозможности такой встречи писал Ж. Деррида: она отсрочена навечно, переживается нами лишь в модусе бесконечной отсроченности. Тынянов, не упоминая, разумеется, ни апофатического богословия,

ни понятий «différance» или «трансцендентальный сигнификат», подразумевает нечто подобное, когда заканчивает свою характеристику Блока словами: «Дальше Блоку идти было некуда; дальше открывалось — Vanitas Vanitatum Баратынского». И подтверждает цитатой:

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья гений твой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире
Звучен будет голос твой! [Тынянов 1921: 263]

Блок занимает в статье больше места, чем Гейне, но правда формалиста Тынянова на стороне Гейне, у которого в искусстве все решает форма, а «любая тема оказывается исключительно материалом», и материалом с художественной точки зрения безразличным [Тынянов 1921: 256–257]. Символист Блок с его эмоциональностью и приоритетом жизни над искусством, по Тынянову, устарел и зашел в тупик, потому что не мог принять того, что понимал уже Гейне, а через сто лет с последней прямоотой сформулировал Шкловский: «литературное произведение есть чистая форма», и, следовательно, «шутливые, трагические, мировые, комнатные произведения, противопоставления мира миру или кошки камню — равны между собой» [Шкловский 1929: 162]. За поэтикой раннего формализма стоит — в качестве ее коннотативного значения — та же идея творческой свободы, которую Тынянов обнаруживает у Гейне, свободы, обретаемой не в социальной ангажированности, а лишь вне и вопреки социальной действительности и ее власти над волей художника.

Наблюдения над переводами Блока из Гейне занимают в статье Тынянова немного места. Но если рассматривать понятие перевода в том расширительном смысле, какой придает ему современная транслатология, то оно дает ключ к центральным темам всего этюда. Перевод — это не только перевод стихов Гейне с немецкого на русский, даже не только пересадка их на почву другой литературной традиции или переключение их в другую систему стиля. В этюде Тынянова понятие «перевод» имплицитно присутствует на нескольких уровнях анализа. Это и перевод смысла из души поэта в знаковую систему словесного текста, и перевод тезиса о коренном расхождении между Блоком и Гейне из области поэтики в область социального дискурса о функции искусства, и перевод темы свободы художника с языка философской эстетики XIX в. («самосознание свободы в искусстве») на язык формальной школы. В конечном счете все содержание этюда Тынянова организуется принципом перевода-трансформации, или перевода-измены.

Как видим, статья Тынянова в достаточной степени подтверждает вывод, сделанный ее автором: Блок и Гейне при кажущемся сходстве «стоят на разных полюсах поэзии» [Тынянов 1921: 252]. И все же вывод этот нуждается в дополнительном уточнении. «Разные полюса поэзии» — это слишком обобщенно. Важно подчеркнуть, что полюс Гейне и полюс Блока принадлежат не поэзии вообще, а конкретно-смысловому пространству. Они представляют собой полюса одного энергетического поля, которое в историко-литературном плане образует интеллектуальную

и творческую парадигму большой протяженности, именуемую иногда «макроэпохой модерна» — с конца XVIII до первых десятилетий XX в., от первых веяний романтизма и до авангарда.

Одним из центральных концептов этого смыслового энергетического поля, по отношению к которому только и поддаются определению его полюса, является утопия литературы как жизнетворчества, как фактора тотального преобразования социальной действительности. Горькое разочарование в этой утопии, романтической, а затем и символистской, является общей исходной точкой, из которой расходятся, вступая друг с другом в противоречие, пути Гейне и Блока. Гейне, теряя веру в синтез поэзии и жизни, обретает, по мысли Тынянова, свободу в автономном царстве поэтического слова. Пламенный революционер, он любит революцию лишь до тех пор, пока она остается в союзе с поэзией, требуя, подобно ей, разрыва с социальной действительностью. Но все проекты переустройства общества он после временных и непрочных соглашений с их инициаторами отвергает как угрозу свободе: либерально-демократическая доктрина претит ему не меньше, чем мрачное иконоборчество коммунистов. Не поэзия, а идеология представляется ему той железной клеткой, в которой суждено умереть птице Сирию, летевшей обновить мир и воскресить жизнь.

Упоминая об идеологических «изменах» Гейне⁷, Блок писал:

Я не знаю, простятся ли Гейне все его измены, все то непостижимое скопление непримиримых противоречий, которое он носил всю жизнь в своей душе и которое делает его странно-живым для нашего времени. Он принадлежит к тем, кто заслужил бессмертие или по крайней мере столетнюю память проклятием, тяготевшим над всей его жизнью (*О иудаизме*. С. 147).

Но печать проклятия — того, о котором Блок писал в стихотворении «Художник», — лежит, по мысли Тынянова, и на его собственном творчестве: он, как и Гейне, утрачивает веру в способность искусства обновить мир. Различие состоит в том, что если Гейне отрекается от романтического мессианства в пользу эстетической игры с социальностью, то Блок переходит на путь, подсказанный ему традицией Гоголя и Толстого, т. е. изменяет искусству, противопоставляя «творчеству совершенных поэтических произведений творчество совершенной жизни» [Бердяев 1994: 218].

* * *

Как показывает анализ обеих статей Тынянова о Гейне в восприятии русских поэтов, переводоведение, изучающее поэтику переводов, и транслатология, сосредоточенная на изучении их социальной функции, представляют собой две стороны одной медали, причем если в статье «Тютчев и Гейне» одна из них скрыта от глаз читателя, то в этюде «Блок и Гейне» обе стороны предъявлены читателю в равной степени. Наблюдения над переводами Блока, хотя и беглые, но подтвержденные типологическим сравнением разнонаправленных художественных систем того и другого поэтов, служат Тынянову отправным пунктом для перехода к сравнительному

⁷ Блок А. А. *О иудаизме у Гейне*. Цит. по: [Блок 1960–1963, т. 6: 144–150] (далее — *О иудаизме*).

анализу их понимания социальной функции искусства, их роли в истории модернистского метанарратива об эмансипации личности.

Источники

- Блок 1960–1963 — Блок А. А. *Собрание сочинений*. В 8 т. Орлов В. Н., Сурков А. А., Чуковский К. И. (ред.). М.; Л.: Художественная литература, 1960–1963. Т. 3. Стихотворения. Книга третья (1907–1916). 1960. 714 с.; Т. 5. Проза. 1903–1917. 1962. 799 с.; Т. 6. Проза. 1918–1921. 1962. 555 с.
- Гейне 1958 — Гейне Г. Романтическая школа. В кн.: Гейне Г. *Собрание сочинений*. В 10 т. Берковский Н. Я., Жирмунский В. М., Металлов Н. М. (ред.). Т. 6. М.: Художественная литература, 1958. С. 143–280.
- Тютчев 1913 — Тютчев Ф. И. *Полное собрание сочинений*. Быков П. В. (ред.). СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. 486 с.

Словари и справочники

- Нелюбин 2003 — Нелюбин Л. Л. *Толковый переводоведческий словарь*. М.: Флинта, 2003. 320 с.

Литература

- Бахманн-Медик 2017 — Бахманн-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- Белинский 1956 — Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений*. В 13 т. Т. 12. Письма. 1841–1848. Богаевская К. П. (подгот. текста и примеч.), Оксман Ю. Г. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 596 с.
- Бердяев 1994 — Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. В кн.: Бердяев Н. А. *Философия творчества, культуры и искусства*. В 2 т. Т. 1. Гальцова Р. А. (вступ. ст., сост., прим.). М.: Искусство, 1994. С. 39–342.
- Жеребин 2012 — Жеребин А. И. *От Виланда до Кафки. Очерки по истории немецкой литературы*. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2012. 474 с.
- Жеребин 2014 — Жеребин А. И. Компаративистика на пути к транслатологии. В кн.: *Метакомпаративистика как интегрирующий подход в гуманитарных науках*. Зусман В. Г., Гронская Н. Э. (ред.). Н. Новгород: Деком, 2014. С. 23–29.
- Жирмунский 1914а — Жирмунский В. М. Гейне и романтизм. *Русская мысль*. 1914, (5): 90–116.
- Жирмунский 1914б — Жирмунский В. М. *Немецкий романтизм и современная мистика*. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1914. 207 с.
- Зенкин 2018 — Зенкин С. Н. *Теория литературы. Проблемы и результаты*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 362 с.
- Книпович 1987 — Книпович Е. Ф. *Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии*. М.: Советский писатель, 1987. 144 с.
- Ланда 1964 — Ланда Е. В. А. Блок и переводы из Гейне. В кн.: *Мастерство перевода*. М.: Советский писатель, 1964. С. 292–328.
- Лахманн 2011 — Лахманн Р. *Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков*. Жеребин А. И. (пер. с нем.). СПб.: Петрополис, 2011. 400 с.
- Лихачев 1973 — Лихачев Д. С. *Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили*. Л.: Наука, 1973. 253 с.
- Лотман 1985 — Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре XVIII века. В кн.: *Проблемы изучения культурного наследия*. Степанов Г. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1985. С. 222–229.
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
- Михайлов 1997 — Михайлов А. В. *Языки культуры: учеб. пособие по культурологии*. М.: Языки русской культуры, 1997. 912 с.

- Пумпянский 1928 — Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева. В кн.: *Уrania. Тютчевский альманах 1803–1928*. Казанович Е. П. (ред.). Л.: Прибой, 1928. С. 9–57.
- Ронен 2002 — Ронен О. Блок и Гейне. *Звезда*. 2002, (11): 229–232.
- Смирнов 1936 — Смирнов А. А. Шекспир. В кн.: *Ранний буржуазный реализм*. Берковский Н. (ред.). Л.: Художественная литература, 1936. С. 105–144.
- Соловьев 1990 — Соловьев В. С. Общий смысл искусства. В кн.: Соловьев В. С. *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 390–404.
- Тынянов 1921 — Тынянов Ю. Н. Блок и Гейне. В кн.: *Об Александре Блоке*. Пб.: Картонный домик, 1921. С. 237–264.
- Тынянов 1977 — Тынянов Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. Каверин В. А., Чудакова А. С. (отв. ред.); Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. (подгот.). М.: Наука, 1977. 574 с.
- Тюпа 2013 — Тюпа В. И. *Дискурс / Жанр*. М.: Intrada, 2013. 211 с.
- Федоров 1983 — Федоров А. В. *Искусство перевода и жизнь литературы*. Л.: Советский писатель, 1983. 352 с.
- Шайтанов 2019 — Шайтанов И. О. *Федор Иванович Тютчев: поэтическое открытие природы*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. 135 с.
- Шкловский 1929 — Шкловский В. Б. *О теории прозы*. М.: Федерация, 1929. 189 с.
- Эйхенбаум 1987 — Эйхенбаум Б. М. *О литературе. Работы разных лет*. Эйхенбаум О. Б., Тоддес Е. А. (сост.); Чудакова М. О., Тоддес Е. А. (вступ. ст.); Тоддес Е. А., Чудакова М. О., Чудаков А. П. (коммент.). М.: Советский писатель, 1987. 540 с.
- Эткинд 1990 — Эткинд Е. Г. Поэзия Новалиса. «Мифологический перевод» Вячеслава Иванова. *Русская литература*. 1990, (3): 157–164.
- Bachmann-Medick 2010 — Bachmann-Medick D. *Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. 4. Aufl. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2010. 420 S.
- Rothe 1978 — Rothe H. Die Berührung der russischen mit der deutschen Literatur vor der Revolution. In: *Wechselbeziehungen zwischen deutscher und slavischer Literatur*. Kaiser F. B., Stasiewski B. (Hrsgs.). Köln; Wien: Böhlau, 1978. S. 53–74.
- Steiner 2004 — Steiner G. *Nach Babel. Aspekte der Sprache und des Übersetzens*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. 487 S.

Статья поступила в редакцию 5 апреля 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Alexej I. Zherebin

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia
kafedrazar-lit@yandex.ru

Yuri Tynyanov's comparative studies in the light of translation theory

For citation: Zherebin A. I. Yuri Tynyanov's comparative studies in the light of translation theory. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (2): 262–276.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.202> (In Russian)

Against the background of the latest trends in the field of translation theory, the article attempts to distinguish between the terms “translation studies” and “translatology”. The material for analysis is a number of authoritative studies by Russian and foreign authors, in which literary translation and translated literature are considered as a fact of cultural transfer and the subject of comparative literary studies. Variants of the translational approach are illustrated by an example from George Steiner's monograph *After Babel: Aspects of Language and Translation* (1975) and Yuri Lotman's “Journey to the Island of Love” by Vasily Trediakovsky and the function of translated literature in Russian culture of the first half of the 18th century” (1985). The central part of the article is devoted to the comparative studies of Yuri Tynyanov

in the early 1920s. An example of a more traditional translation approach is given by Tynyanov's study "Tyutchev and Heine" (1922), a classic example of Russian comparative studies that confirms the thesis that the delimitation and differentiated use of the terms "translation studies" and "translatology" allow us to more accurately describe the semantic structure of both scientific texts and those works of art to which they are devoted. On the contrary, in Tynyanov's study "Blok and Heine" (1921), which is close in theme and when created, both analytical strategies are present on equal terms; translation studies and translatology complement each other, forming a synthesis. A typological comparison includes both observations of Blok's translation strategy, supported by an aesthetic analysis of the works of both poets, and the posing of the question of the social function of art and the role of the artist in shaping the modernist metanarrative of personality emancipation.

Keywords: genesis, discourse, genre, translation studies, poetics.

References

- Бахманн-Медик 2017 — Bachmann-Medick D. *Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Tashkenov S. (transl.). Moscow: New Literary Review Publ., 2017. 504 p. (In Russian)
- Белинский 1956 — Belinsky V. G. *Complete works*. In 13 vols. Bel'chikov N. F. et al. (eds.). Vol. 12: Letters. 1841–1848. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956. 596 p. (In Russian)
- Бердяев 1994 — Berdyaev N. A. The meaning of creativity. The experience of human justification. In: Berdyaev N. A. *Filosofia tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. In 2 vols. Vol. 1. Gal'tsova R. A. (introd. art., comp., approx.). Moscow: Iskusstvo Publ., 1994. P. 39–342. (In Russian)
- Жеребин 2012 — Zherebin A. I. *From Wieland to Kafka. Essays on the history of German literature*. St. Petersburg: N. I. Novikov Publ., 2012. 447 p. (In Russian)
- Жеребин 2014 — Zherebin A. I. Comparativistics on the way to translatology. In: *Metakomparativistika kak integriruiushchii podkhod v gumanitarnykh naukakh*. Zusman V. G., Gronskaya N. E. (eds). Nizhny Novgorod: Dekom, 2014. P. 23–29. (In Russian)
- Жирмунский 1914а — Zhirmunsky V. M. Heine and Romanticism. *Russkaya mysl*. 1914, (5): 90–116. (In Russian)
- Жирмунский 1914б — Zhirmunsky V. M. *German romanticism and modern mysticism*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publ., 1914. 207 p. (In Russian)
- Зенкин 2018 — Zenkin S. N. *Literature Theory. Problems and results*. Moscow: New Literary Review Publ., 2018. 362 p. (In Russian)
- Книпович 1987 — Knipovich E. F. *About Alexander Blok: Memoirs. Diaries. Comments*. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 144 p. (In Russian)
- Ланда 1964 — Landa E. V. A. Blok and translations from Heine. In: *Masterstvo perevoda*. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1964. P. 292–328. (In Russian)
- Лахманн 2011 — Lachmann R. *Memory and Literature. Intertextuality in Russian literature of the 19th–20th centuries*. Zherebin A. I. (transl.). St. Petersburg: Petropolis Publ., 2011. 400 p. (In Russian)
- Лихачев 1973 — Likhachov D. S. *Development of Russian literature of the 10th–17th centuries. Eras and styles*. Leningrad: Nauka Publ., 1973. 253 p. (In Russian)
- Лотман 1985 — Lotman Yu. M. "Le voyage à l'île d'amour" by Trediakovsky and the function of translated literature in Russian culture of the 18th century. In: *Problemy izucheniia kul'turnogo naslediiia*. Stepanov G. V. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1985. P. 22–229. (In Russian)
- Лотман 1992 — Lotman Yu. M. *Culture and explosion*. Moscow: Gnosis Publ.; Publishing group "Progress" Publ., 1992. 272 p. (In Russian)
- Михайлов 1997 — Mikhailov A. V. *Languages of Culture. Textbook on cultural studies*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 912 p. (In Russian)
- Пумпянский 1928 — Pumpiansky L. V. Poetry of F. I. Tyutchev. In: *Urania. Tiutchevskii al'manakh 1803–1928*. Kazanovich E. P. (ed.). Leningrad: Priboi Publ., 1928. P. 9–57. (In Russian)
- Ронен 2002 — Ronen O. Blok and Heine. *Zvezda*. 2002, (11): 229–232. (In Russian)
- Смирнов 1936 — Smirnov A. A. Shakespeare. In: *Early bourgeois realism*. Berkovsky N. (ed.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936. P. 105–144. (In Russian)

- Соловьев 1990 — Soloviev V. S. The general meaning of art. In: Soloviev V. S. *Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1990. P. 390–404. (In Russian)
- Тынянов 1921 — Tynianov Yu. N. Blok and Heine. *About Alexander Blok*. St. Petersburg: Kartonnyi domik Publ., 1921. P. 237–264. (In Russian)
- Тынянов 1977 — Tynianov Yu. N. *Poetics. History of literature. Movie*. Kaverin V. A., Chudakova A. S. (eds); Toddes E. A., Chudakov A. P., Chudakova M. O. (prep.). Moscow: Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russian)
- Тюпа 2013 — Тюпа V. I. *Discourse / Genre*. Moscow: Intrada Publ., 2013. 221 p. (In Russian)
- Федоров 1983 — Fedorov A. V. *The art of translation and the life of literature*. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 352 p. (In Russian)
- Шайтанов 2019 — Shaitanov I. O. *Fedor Ivanovich Tyutchev: the poetic discovery of nature*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2019. 135 p. (In Russian)
- Шкловский 1929 — Shklovskii V. B. *On the theory of prose*. Moscow: Federatsiia Publ., 1929. 189 p.
- Эйхенбаум 1987 — Eichenbaum B. M. *On the literature. Works of different years*. Eichenbaum O. B., Toddes E. A. (eds). Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 540 p. (In Russian)
- Эткинд 1990 — Etkind E. G. Poetry of Novalis. "Mythological Translation" by Vyacheslav Ivanov. *Russkaia literatura*. 1990, (3): 157–164. (In Russian)
- Bachmann-Medick 2010 — Bachmann-Medick D. *Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. 4. Aufl. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2010. 420 S.
- Rothe 1978 — Rothe H. Die Berührung der russischen mit der deutschen Literatur vor der Revolution. In: Kaiser F. B., Stasiewski B. (Hrsgs.). *Wechselbeziehungen zwischen deutscher und slavischer Literatur*. Köln; Wien: Böhlau, 1978. S. 53–74.
- Steiner 2004 — Steiner G. *Nach Babel. Aspekte der Sprache und des Übersetzens*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. 487 S.

Received: April 5, 2020

Accepted: December 3, 2020